

Константин Аксаков

Обозрение современной литературы

Константин Аксаков

Обозрение современной литературы

«Public Domain»

1857

Аксаков К. С.

Обозрение современной литературы / К. С. Аксаков — «Public Domain», 1857

ISBN 978-5-457-13456-0

«Полтора́ста лет тому назад, когда в России тяжелый труд самобытного дела заменялся легким и веселым трудом подражания, тогда и литература возникла у нас на тех же условиях, то есть на покорном перенесении на русскую почву, без вопроса и критики, иностранной литературной деятельности. Подражать легко, но для самостоятельного духа тяжело отказаться от самостоятельности и осудить себя на эту легкость, тяжело обречь все свои силы и таланты на наиболее удачное перенимание чужой наружности, чужих нравов и обычаев...»

ISBN 978-5-457-13456-0

© Аксаков К. С., 1857

© Public Domain, 1857

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

12

Константин Сергеевич Аксаков

Обозрение современной литературы

Полтора года тому назад, когда в России тяжелый труд самобытного дела заменялся легким и веселым трудом подражания, тогда и литература возникла у нас на тех же условиях, то есть на покорном перенесении на русскую почву, без вопроса и критики, иностранной литературной деятельности. Подражать легко, но для самостоятельного духа тяжело отказаться от самостоятельности и осудить себя на эту легкость, тяжело обречь все свои силы и таланты на наиболее удачное перенимание чужой наружности, чужих нравов и обычаев. Несмотря на то, дело, хотя и не вполне, удалось. Вольность нравов европейского Запада, новые средства к удовлетворению личного эгоизма, наконец блестящая сторона европейского просвещения и уже готовая, чужими руками изготовленная, умственная пища, которую, казалось, оставалось только глотать, — все это подействовало, и от самостоятельности в России отказались, впрочем, только верхние классы. У них-то явилась и новая наша литература.

Возникшая в эпоху западноевропейского классицизма, заимная литература наша служила ему верным отражением. Европейский классицизм был в свою очередь безжизненное поклонение древнему миру, который Европа поняла по-своему и который мы поняли по-европейски. Эта классическая литература Европы, подражая древнему миру, уже лишенному жизни, была неподвижна: переменились только авторы, различие являлось только в их личных талантах. Наша послушная литература, вдвойне подражательная, была в ту эпоху тоже неподвижна. В таком положении оставалось дело до Карамзина. Между тем в европейской литературе произошел переворот; призрак классицизма, хранимый преимущественно во Франции, разлетелся, литература европейская двинулась своим путем. В это время в русской литературе явился Карамзин. Карамзин уничтожил это двойственное подражание и предложил лучше подражать самой Европе. Тяжесть двойных оков была крайне неудобна, и с радостью вняла наша литература гласу нового деятеля, нового подражателя. С этой эпохи, с Карамзина, литература наша, наоборот, сделалась подвижна в высшей степени, ибо элемент подражания был не классицизм европейский, а сама Западная Европа, в совокупности всех своих народов. Подражать было здесь гораздо легче, приятнее и интереснее, — и вот дело пошло живее. Переимчивость составила с этих пор характеристику нашей литературы. Достаточно этой быстроты перемен для того, чтобы оценить и понять смысл и достоинство нашей словесной деятельности. Мы знаем, что серьезный и самобытный ход иначе движется, что, при глубине общего основания, нелегко отделяются от одного убеждения и принимают другое. Но литература наша — собрание чужих форм, разных отголосков, и только. Вот почему так быстро меняются формы, не утвержденные на прочной мысли; вот почему беспрестанно переливаются отсветы и отблески, лишенные собственного света и блеска. Таланты, разумеется, у нас есть; но мы говорим не об отдельных талантах, а об общем ходе литературы, которого не изменяют и таланты.

Много переменилась наша литература в последнее двадцатипятилетие с той поры, когда еще издавался «Телеграф», «Телескоп», «Московский вестник»¹ и другие. В течение 10–12 последних лет она перепробовала несколько направлений. Невольно с улыбкою смотришь на все эти кратковременные восторги. Давно ли гордо возвышалась «натуральная школа»? Но скоро она затихла и присмирела, как будто ей стало совестно, — и всем стало ясно, что она призрак. Почти не стоит нападать на произведения того или другого лите-

---

¹ «Московский телеграф» — журнал, издававшийся в 1825–1834 гг. Полевым Н. А. (1795–1846); «Телескоп» — журнал, издававшийся в 1831–1836 гг. Надеждиным Н. И. (1804–1856); «Московский вестник» — журнал, издававшийся в 1827–1830 гг. Погодиным М. П. (1800–1875).

ратурного направления или школы; не имея поддержки внутри, они падают собственным бессилием, собственным истощением. Наконец, литература наша пришла к современному состоянию. Думаем, что и современная ложь ее не замедлит обнаружиться и исчезнуть, и если погодить критиковать, то как раз и критиковать опоздаешь, ибо все падает само собою. Но дело, освещенное мыслию, получает свой смысл, и самое освобождение от лжи становится полезным тогда, когда сопровождается сознанием. Итак, вполне, уверенные в хилости и недолговечности современного состояния нашей литературы, не нуждающейся для своего падения в посторонней помощи, мы считаем в то же время нужным сказать о ней наше мнение и определить, как мы понимаем, ее значение. Просим не забывать, что статья наша не есть критика литературных произведений и их авторов, а только обозрение современной литературы².

Теперь скажем прежде о том отделе литературы, в котором самое слово, по форме своей, уже принадлежит поэзии, т<о> <есть> о стихах, *о языке богов*, как называли их в старину.

Для поэта необходима полнота жизни, гармония в нем самом, некоторое, так сказать, *самодовольство*. Это не значит, чтобы поэт не гремел иногда проклятиями на целый мир, чтоб сам он не мучился разными внутренними муками; напротив, поэт часто страдает и терзается, плачет и проклиная; но в нем есть полное наслаждение художественностью своего проклятия и своих слез. Стих гармонически разрешает его муку; перед ним не стоит нерешенный вопрос, неотступный, не дающий ему покоя, мешающий писать стихи. Поэт верит в искусство, поэт знает, что ему сказать, будет ли это слово утверждения, сомнения или отрицания: везде для него находится неизменная художественная красота и наслаждение поэзии. Все это можно назвать внутренним чувством гармонии, проходящей тайно сквозь всякий разлад, или чувством самодовольства, если не дико покажется это слово.

Такова по-своему была прежде и русская поэзия. Поэты верили в поэзию, благоприобретенную ими от Западной Европы, писали искренно на чужой лад, и стихи писались звучно, весело, а публика с наслаждением слушала и повторяла их. Все эти условия необходимы для того, чтоб писать было можно. Общая отвлеченность и неправда всей заемной жизни не была понимаема, а разве только смутно, чувствовалась немногими; напротив того, все казалось ясно; так было весело, и сладко, и легко служить постоянным и достойным отзывом великим поэтам Европы: Байрону, Шиллеру, Гёте. Долго неумолчная гармония стихов не переставала раздаваться в России.

Но в настоящее время зашевелились вопросы. Появилось сомнение, хорошо ли то подражательное направление, которому так долго и беззаботно мы следовали? Отвлеченность, неестественность всего строя общественной, иностранно постановленной, жизни нашей более или менее почувствовалась; пробудилась мысль о русской самостоятельности, и все, что мыслит в России, задумалось. С наших глаз стала спадать одна пелена за другою. Мы стали замечать, что вся умственная и литературная деятельность наша есть только повторение деятельности чуждой, лишена самобытности и... бесплодна. Мы стали понимать, что нам необходимо, конечно, принимать от соседей наших дельные сведения и науки, как необходимо приобретать все новейшие открытия и изобретения (так было и встарь на Руси), но что это заимствование может быть полезно только при своей самостоятельной умственной жизни; а догадливое перенимание чужих мыслей не есть еще самобытная деятельность ума. Мы заметили, что мы все перенимали, даже то, чего не следует, чего нельзя перенимать без совершенной утраты самостоятельности: перенимали мы образ мыслей, восторги, – негодо-

---

² Сочинения С. Т. Аксакова стоят совершенным особняком в литературе нашей. Мы не говорим о них, по очень понятной причине. Все, что высказываем мы в статье нашей о литературе, не имеет никакого отношения к сочинениям С. Т. Аксакова, которые требуют особого определения, особой оценки и имеют свое особое значение среди нашей литературы.

вания, самую жизнь. Мы заметили, что жили чужим заемным умом, и догадались, что это не жизнь.

Где же жизнь?

Этот вопрос, эта потребность, а следовательно, и возможность жизни, жизни настоящей, самобытной, в нас пробудилась. Вместе с тем, как бы в ответ на вопрос, внимание наше обратилось ко всем самобытным проявлениям русской жизни, к древней истории, к обычаям народным, к устройству народной общественности, к языку, ко всему, в чем высказывается Русь. Хотя и здесь различны точки зрения, хотя подражательный взгляд и здесь еще думает удержаться, но уже образовалось целое направление, в сущности очень простое, направление, основанное на том, что русским надо быть русскими, другими словами, что без самостоятельности *умственной и жизненной* – все ложно. Если самостоятельности в нас нет и быть не может, то подобная истина для нас бесполезна, и нас не восстановить духовно. Если же у нас есть самостоятельность и только лишь подавлена или спит, то достаточно сознания в ее необходимости, чтоб она пробудилась сама. Поднят огромный вопрос для русских людей вопрос: *быть или не быть?* Быть же не собою – для человека не значит быть.

При таком огромном, поднятом, но еще не решенном вопросе могут ли иметь место стихи и другие поэтические произведения? Мы сказали, что для поэтического творчества необходима известная степень самодовольства, внутренняя гармония. Но есть ли ей теперь место в человеке, означенном высоким талантом, следовательно, высокой степенью понимания? Исчезла прежняя вера в свое поэтическое направление, исчезла прежняя авторская беззаботность. Самая почва литературы колеблется под нами. Недоумение или разрешение вопроса – вот что занимает мысль и душу русского человека. Последний русский поэт отвлеченной подражательной эпохи, Лермонтов, уже касался раздумья, но он нашел убежище в странном самодовольстве, в самодовольстве сухого, холодного эгоизма, в котором окончательно выступило наружу все сокровенное зло прежнего отвлеченного направления. Нам скажут, пожалуй, что и теперь можно найти самодовольство в светском обществе, но это не то самодовольство, которое мы разумеем в настоящем случае; мы выражаем здесь этим словом личное чувство внутренней душевной гармонии, удовлетворяющееся собою, чувство возвышенное, в котором в то же время есть некоторый свой утонченный эгоизм. Тупое светское самодовольство, бывающее именно тогда, когда в душе пусто, не имеет с этой гармонией ничего общего; о тех, кто удовлетворяется светскою жизнью, конечно, говорить не стоит; на почве светской жизни, на этой бесплодной почве, ничто не рождается. Кроме состояния, которое испытывает человек перед лицом еще решаемых великих жизненных вопросов, состояния, не допускающего самодовольства и гармонии, является теперь сомнение в самой основе поэзии нашей и в способах ее выражения. При таких условиях поэзия, как живая современная сфера, как законное, соразмерное явление мысли, жизни, – невозможна.

И точно, мы видим мало поэтов (говорим теперь собственно о стихах, как о полнейшем выражении поэзии). Сочувствия они почти не возбуждают и кажутся какими-то анахронизмами. Стихотворения служат теперь скорее развлечением, не захватывая внутреннего существа человека. Прошедшая эпоха стихотворства также одиноко и уныло напоминает о себе. Лира Жуковского еще недавно звучала гармонически с берегов Рейна³; иногда раздадутся замысловатые, и подчас полные чувства, стихи Вяземского, умные и колкие стихи М. Дмитриева или по-своему некогда мелодические стихи Ф. Глинки⁴. Грустно-приятное впечатление былой, простодушно-счастливой эпохи производят эти стихотворения. Но как ни обеднело наше стихотворство, как ни ослабло к нему сочувствие, тем не менее есть

³ В. А. Жуковский с 1841 г. жил безвыездно в Германии, сначала – в Дюссельдорфе, затем – в Баден-Бадене, где и умер в 1852 году.

⁴ Вяземский П. А. (1792–1878) – поэт, критик, историк литературы; Дмитриев М. А. (1796–1866) – поэт, критик, мемуарист; Глинка Ф. Н. (1786–1880) – поэт, прозаик, мемуарист.

поэты, о которых сказать необходимо, как по личному дарованию, так и по содержанию. Принадлежа по времени к прошедшей эпохе стихотворства, г. Тютчев не теряет нисколько современности, по крайней мере в иных стихах своих. Недавно вышло собрание его стихотворений⁵, из которых многие написаны давно, но, вновь изданные и перечтенные, они доставили новое наслаждение. Г. Тютчев – это поэт, имеющий свою особенность. В его стихах замечаем мы несколько главных мотивов, которым подчиняются все или почти все его стихотворения, по крайней мере все те, которые имеют положительное достоинство. С одной стороны, сочувствие поэта направлено к природе, к этому вечно стройному миру, к его прекрасным явлениям, исполненным такого бесконечного спокойствия, как бы ни были они бурны и грозны; в особенности весна отражается со своею вечною прелестью в стихотворениях нашего поэта. С другой стороны, сочувствие поэта направлено к внутреннему миру человека, к тем таинственным глубинам и безднам души, где возникают призраки, где рождаются мечты, где носятся видения, откуда исходит безумие, к миру не мысли ясной и не фантазии головы, но к миру снов, ощущений, предчувствий, какого-то таинственного осязания бесконечности, какого-то смутного чуяния беспредельности, невместимости, чуяния, граничащего с безумием, предошущающего хаос. Таковы прекрасные стихотворения «*О чем ты воешь ветр ночной*» (стр. 28), «*День и ночь*» (45), «*Сон на море*», «*Вечер мгlistый и ненастный*» (60) и др. Выпишем первое стихотворение:

О чем ты воешь, ветр ночной,
О чем так сетуешь безумно?
Что значит странный голос твой,
То глухо-жалобный, то шумной?
Понятным сердцу языком
Твердишь о непонятной муке,
И ноешь, и взрываешь в нем
Порой неистовые звуки!

О, страшных песен сих не пой
Про древний хаос, про родимой,
Как жадно мир души ночной
Внимает повести любимой!
Из смертной рвется он груди
И с беспредельным жаждет слиться...
О, бурь заснувших не буди:
Под ними хаос шевелится!..

Никто, сколько мы знаем, не касался так выразительно этой психической стороны человека. Понятно, что поэт, для которого доступна эта тревожная сторона души, этот страшный разлад, этот внутренний ужас бесконечного. Понятно, что такой поэт с увлечением бросается к природе и отдыхает на ее стройном, вечно неизменном и вечно разнообразном просторе. Ничто так не способно устроить возмущенную душу, как природа; в ней бьется ровный и мерный каданс, вносящий лад в тревожный личный мир, распутывающий путаницу ощущений. Но кроме этих двух стремлений нашего поэта, указанных нами, в нем есть иное. Он сочувствует историческому ходу человечества, он сочувствует народу, своему народу, его современным и грядущим судьбам, его назначению и призванию. Г. Тютчев

⁵ Первый сборник стихотворений Ф. И. Тютчева был издан в Петербурге в 1854 г. Далее указаны страницы по этому сборнику. Каданс (франц.) – ритм, темп, такт.

понимает, что Россия должна быть Россиею, т<о> е<сть> землею славянскою по своему происхождению и по своим духовным началам, понимает, что высшее неотъемлемое духовное начало России есть православная вера, что в качестве земли славянской, в качестве единой независимой славянской и православной державы, Россия составляет опору всего православного и славянского мира и соединена неразрывным сочувствием со всеми единоверцами и со всеми своими славянскими братьями, что это сочувствие есть жизненное условие ее бытия. С полным убеждением пишем мы эти строки, зная, что в исполнении православного и славянского призвания России лежит для нее вопрос ее собственной самостоятельности.

Вот наше мнение о г. Тютчеве как о поэте. Мы распространились более, нежели нужно это в общем обозрении, но г. Тютчев вполне этого заслуживает.

Есть еще поэт, принадлежащий по времени также к прошедшей эпохе, но поэт, для которого нет того или другого времени, которого дух и деятельность выше преходящих определений. Это Хомяков. Отношения г. Хомякова к «Беседе»⁶ не позволяют нам об нем распространяться и отдать полную ему справедливость. Но пусть говорят сами за себя его вдохновенные стихи, которые, кажется, наконец начинает общество ценить по достоинству.

Впрочем, нет причины не сказать нам о характере стихотворений Хомякова. Содержание, мысль у Хомякова большею частью не укладывается в стихотворение, переходит его пределы; содержание так широко, так стремится воплотиться в жизни, в действительности, в деле, что часто после прочтения стихов Хомякова бываешь преимущественно полон мыслию, в них высказанною.

Теперь переходим к современным поэтам.

Здесь опять отношения, весьма понятные, удерживают нас высказать наше мнение об одном из современных поэтов, отличающемся в стихотворениях своих строгостью содержания и особенно скорбью о дрянности современного человека. Мы говорим об И. Аксакове.

Современные поэты, наиболее замечательные: это Некрасов. Полонский, Фет, Майков, Щербина, Стахович, гр. Толстой.

Стихотворения Некрасова означены какою-то сдержанною силою выражения, каким-то своеобразным стихом. Некоторые из прежних его стихотворений пропитаны едким цинизмом картин и чувств, цинизмом, принимаемым иными в их простодушии за энергию. Но справедливость требует сказать, что в последних его стихотворениях он имел силу освободиться от этой, вовсе не мудреной, грязи, которая въедается глубоко в того, кто ею не брезгует, и от которой трудно освободиться. В стихотворении его «Саша» и других является также сила выражения и сила чувства, но очищенная и движимая иными, лучшими стремлениями.

Г. Полонский обладает редким достоинством: стихом оригинальным и свежим; этот стих не всегда встречается в его стихотворениях, но там, где он встречается, он исполнен благоухания жизни, он исполнен такой простой выразительности, что передаваемое им явление всею тайною, всею правдою и поэзией своей жизни дышит перед вами; и иногда, это два-три-четыре стиха, и содержание их неважно само по себе; но важно здесь это поэтическое изображение, это передавание непередаваемого. Трудно определить именно, в чем достоинство такого стиха, но он есть у г. Полонского и, из пишущих, только у него одного; это, если можем сколько-нибудь так объяснить, это *поэтическая простота*. Возьмем для примера его «Аспизию», вот два стиха:

Площадь отсюда видна мне, покрытая
Тенью сквозных галерей.

---

⁶ Имеется в виду журнал «Русская беседа».

Явление передано вполне со всею поэзией и простотою; вы видите, вы чувствуете эту тень, лежащую на площади, и в то же время вы наслаждаетесь ею не в действительности (тогда бы надо было просто, ничего не говоря, привести вас на эту площадь), а в поэзии, в новой действительности, даруемой словом человеческим. Таких стихов довольно у г. Полонского, и они всегда дают истинно поэтическое наслаждение. Мы сожалеем, что он выкинул из собрания своих стихотворений⁷ одну небольшую вещицу, помещенную в «Гаммах», в которой именно встречается тот стих, о котором мы сейчас говорили. У нас нет «Гамм», но мы, если не ошибаемся, помним следующие стихи; описывается ночь:

Лишь только ветер, под окном
Листы крапивы шевеля,
Густое облако с дождем
Несет на сонные поля.

Желаем, чтоб г. Полонский в новом издании своих стихотворений поместил все, какие ни писал он, без выбора, представляем читателям судить о них. Желаем также, чтобы он воздержался от поправок. В новом издании стихотворений «Бѣда» исправлен, – и хуже!

Г. Фет и г. Майков, имеющие оба бесспорное дарование, не отличаются глубиной содержания. Хотя г. Майков затрагивает иногда глубокую тему, но тема и после написанного на нее стихотворения остается у него все только темой для стихотворений. Г. Фет и не касается глубокого содержания; любовь, любовь, любовь; милая, милая и милая: вот что на все лады, не уставая, воспевают г. Фет. Кроме этого, воспевают он и природу. Говоря собственно о стихе того и другого поэта, мы должны сказать, что он очень хорош, очень звучен и у г. Майкова подчас силен; но такие стихи не новость и не диковинка и очень большой цены не имеют. Простоты нет ни у того ни у другого; у г. Фета есть искусственная простота, которая, впрочем, не обманет верного эстетического чувства, как напр<имер>;

Я пришел к тебе с приветом
Рассказать, что солнце встало,
Что оно горячим светом
По листам затрепетало *и пр.*

Или наконец стихи, где искусственная верность доходит до крайности:

Стоит красавица степная
С румянцем *сизым* на щеках⁸.

Но г. Фету и его средствами удастся иногда удачно схватить картину природы, напр. в стихотворениях: «Уснуло озеро» (стр. 111), «Еще весны душистой нега» (160), «Жди ясного на завтра дня» (162); это стихотворение стоит выписать:

Жди ясного на завтра дня...
Стрижи мелькают и звенят,

---

⁷ Сборник стихов Я. П. Полонского «Гаммы» вышел в 1844 году. Под собранием стихотворений К. Аксаков имеет в виду книгу: «Стихотворения Я. П. Полонского». (СПб., 1855). Ниже – неточная цитата из стихотворения «Узник», которое было помещено и в издании 1855 года. Неточно приведено К. Аксаковым и заглавие первого процитированного им стихотворения Полонского: оно называется «К Аспавии».

⁸ Цитата из стихотворения А. А. Фета «Еще весны душистой нега...». Далее страницы указаны по кн.: Стихотворения А. А. Фета. СПб., 1858.

Пурпурной полосой огня
Прозрачный озарен закат.

В заливе дремлют корабли,
Едва трепещут вымпела,
Далеко небеса ушли —
И к ним морская даль ушла.

Так робко набегает тень,
Так тайно свет уходит прочь,
Что ты не скажешь: минул день,
Не говоришь: настала ночь.

Стихотворения г. Жемчужникова⁹, при очень свободном легком стихе, исполнены подчас значения и даже мысли верной и благой, останавливающей внимание читателя.

Звучный прекрасный стих, лишенный, впрочем, всякой особенности и показывающий только, до какой степени выработалось у нас стихотворное искусство, — вот все, что можно сказать о г. Мее¹⁰.

Стихотворения Щербины¹¹ — это тоже прекрасные стихи, сделавшиеся доступным достоинством для многих. Сочувствие его преимущественно, и кажется до излишества, устремлено к древнему миру. Больше не имеем мы ничего сказать о г. Щербине.

Стихотворения г. Стаховича¹² имеют свою особенность. Стих его запечатлен чистосердечностью и задушевностью; он вырывается у него, как песня, — и как все искреннее, он пробуждает живое сочувствие в читателе, запоминается и не раз повторяется потом охотно.

В заключение скажем еще об одном поэте, который недавно довольно резко отделился от других: это гр. А. К. Толстой¹³. Еще и прежде в прекрасных стихах его слышна была русская струна и русское сочувствие; но в прошлом году было напечатано несколько его стихотворений, чрезвычайно замечательных. Всего замечательнее по своему, особому какому-то, строю стиха баллада «Волки», также «Ой, кабы Волга-матушка да вспять побежала» и «Колокол». Хороши и стихи «Дождя отшумевшего капли»¹⁴, в них слышно раздумье о прошлых годах и какую-то искренностью звучат слова:

---

⁹ Жемчужников А. М. (1821–1908) — поэт-лирик и сатирик, один из создателей Козьмы Пруткова.

¹⁰ Мей Л. А. (1823–1862) — поэт, драматург, переводчик.

¹¹ Щербина Н. Ф. (1821–1869) — поэт, прозаик, автор антологических стихотворений.

¹² Стахович М. А. (1809–1858) — поэт, драматург, фольклорист, музыкант, собирал и оранжировал для фортепиано и гитары народные песни (четыре тетради вышли в 1851–1854 гг.), написал книгу «Очерки семиструнной гитары» (1854).

¹³ Толстой А. К. (1812–1875) — поэт, драматург, прозаик, сатирик, создатель, вместе с братьями Жемчужниковыми, Козьмы Пруткова.

¹⁴ Эти стихи, а также цитируемая ниже «Смесь», были напечатаны в журнале «Современник», 1856, т. 2, с. 273–276.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.